

Ю.И. Мирошников
УрО РАН, Екатеринбург

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО

Для анализа социально-нравственной философии Л.Н. Толстого важным событием биографии оказалось его участие в переписи населения Москвы (январь 1882 г.). За год до этого он с семьей переехал на постоянное проживание в столицу. Дети подросли, и встала задача получения высшего образования, взрослых дочерей нужно было выводить в свет. Столичный быт невольно заставил автора знаменитых романов «Война и мир» и «Анна Каренина» приглядеться не только к особенностям городской жизни, но и к сути городской (буржуазной) цивилизации, социальной структуре индустриального общества, к разделению труда, к классовому расслоению и иерархии, природе денег, к роли науки, государственных и гражданских институтов (например, институтов благотворительности).

Толстой обладал деятельной натурой, он был по жизни реформатором и устроителем, о чем говорит вся его биография. Поэтому совсем не удивительно, что Толстой выражает желание участвовать в таком деле, как перепись населения, отвечающем его потребностям познания и «переделке» жизни, и с головой погружается в исследование непривычной для него социальной среды. По просьбе Толстого Дума определила ему участок домов, принадлежащих когда-то купцу Ржанову и прозванных в народе «Ржановская крепость», или «Ржановский дом». Писателя еще раньше поразили слухи об этом месте, как «притоне самой страшной нищеты и разврата» [1, с. 180]. Лев Николаевич горел желанием все увидеть своими глазами. Подготавливаясь к работе, он задумал написать статью, сбор материалов для которой и подготовка текста к печати длилась четыре года с начала 1882 до начала 1886 г. Замысел увлек его и в конечном итоге воплотился в целую книгу объемом 200 страниц под сразу же возникшим названием «Так что же нам делать?». Само название подчеркивало решимость Толстого не только теоретически исследовать наболевшие в обществе социальные вопросы, но искать и практические пути их решения.

Книга захватывает обыкновенного читателя изображением той социальной городской среды, которая еще никогда не изображалась писателем в его творчестве. С изумительным мастерством художник рисует лица различных категорий густо населявших ночлежные и работные дома, трактиры и притоны. Это документально точные снимки представителей социального дна, с которыми Толстой вступал в разговоры, знакомился с обстоятельствами их жизни, внутренним миром, снабжал небольшими суммами денег. Толстой делал попытки поправить судьбу некоторых

несчастных, так, например, он описывает, как брал в собственный дом нищего мальчика и что из этого получилось. Нужно добавить, что по приезде в Москву Толстой «сделал себе привычку для мочиона ходить работать на Воробьевы горы с двумя мужиками, пилившими там дрова. Два этих мужика были совершенно такие же нищие, как и те, которых я встречал по улицам» [1, с. 169]. Вот пример включенного наблюдения Толстого-исследователя: «Почему те работают, а эти просят?» – спрашивал себя Толстой.

Следует сказать, что у современников Толстого сложилось твердое мнение о нем как великом художнике, но плохом мыслителе. Даже официоз тогдашней России, сурово наказывая последователей Толстого, не трогал автора крамольных мыслей, ибо испытывал якобы «невольную нежность» к Толстому-художнику [2, с. 116]. В.Г. Короленко, в отличие от большинства пишущих о творчестве Толстого, не противопоставлял в нем мыслителя и художника, а полагал, что Толстой-мыслитель составляет часть Толстого-художника. Толстой-мыслитель не дает чего-то принципиально нового по отношению к произведениям Толстого-художника. Толстой-мыслитель якобы целиком опирается на схемы, рождающиеся из его художественной интуиции. Так как якобы Толстой-художник города не знал, то своим художественным вниманием он обошел горожанина, городскую жизнь, городские слои населения. «Для Толстого – мыслителя и публициста этот пробел имел очень существенное, почти роковое значение» [2, с. 103].

Фабрик, заводов, университетов и гимназий не было в художественных произведениях Толстого, и потому они отсутствовали и в его философской публицистике, наполненной утопическими картинками будущего общества, устроенного на манер первобытного христианства [2, с. 106–107].

На взгляд Короленко, в философской публицистике Толстой не делает выводов из исследования фактов. В поисках цельности и гармонии духа он опирается на силу воображения и христианскую веру, «которую нужно добыть в Евангелии из-под позднейших наслоений, как золото из-под шлака. Толстой читает Евангелие, вдумывается в подлинные тексты-вульгаты, изучает древнееврейский язык... Но это изучение не исследование объективного ученого, готового признать выводы из фактов, каковы бы они ни оказались. Это страстное стремление художника во что бы то ни стало восстановить душевный строй первых христиан и гармонию простой, неусложненной христианской веры, которые он пережил в воображении» [2, с. 105].

Пожалуй, трудно и даже невозможно подобрать пример из философских произведений Толстого, который бы с такой же яркостью и убедительностью противоречил мнению В.Г. Короленко, как книга «Так что же нам делать?». Все в ней решительно противоречит утверждениям извест-

ного русского писателя-демократа о характере публицистики Толстого, о его философской мысли, которая, якобы в действительности не идет дальше того, что открывается его художественному взгляду. Ведь, как известно, Короленко писал, что Толстой будто бы был лишен навыков объективного научного исследования, что он, став городским жителем в 1881 году и прожив в Москве многие годы, не проявил интереса к различным городским слоям, не знал студенчества, профессуры, писателей, издателей, художников, музыкантов, т. е. интеллигенции, рабочего класса, представителей городского дна (бродяг, проституток) и «верха» (промышленников, фабрикантов, банкиров).

Мы, напротив, присоединяемся к тем исследователям творчества Толстого, которые считают, что его талант следует рассматривать изначально как единство художественной интуиции и рациональной философской мысли, взаимодополнявших друг друга. Толстой как мыслитель сложился и проявил себя до создания знаменитых романов «Война и мир» и «Анна Каренина». Художественный талант отнюдь не был утерян Толстым и после появления его «Исповеди» или «Так что же нам делать?», о чем говорят его «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник», «Хаджи Мурат».

Но сосредоточимся на книге «Так что же нам делать?», в которой Лев Николаевич проявил себя как новатор в исследовании социально-гуманитарных проблем. Первое, что бросилось в глаза Толстому после переезда в Москву, – социальное расслоение, наличие огромной дистанции между «верхом» и «низом» общества. При этом его нравственная рефлексия не могла не заработать, и он вдруг осознал, на каком полюсе богатства и нищеты он сам находится. Он не скрывает это свое положение не только от себя, но и от читателей работы «Так что же нам делать?».

Сравнивая картину нищеты, увиденную Толстым при посещении ночлежки, и собственное домашнее благополучие, он пишет: «Дома я вошел по коврам лестницы в переднюю, пол которой обит сукном, и, сняв шубу, сел за обед из пяти блюд, за которым служили два лакея во фраках, белых галстуках и белых перчатках» [1, с. 173]. Но это он, Толстой, представитель социального верха, не мог без возмущения и стыда совмещать две картины: социального довольства и комфорта и социальной нищеты и унижения, тогда как большинство богатых людей отделяли себя от бедных не то что по привычке, но сознательно. Это обособление делалось во всех сторонах жизни: в еде, одежде, жилье, в способах передвижения, образовании, образе жизни. «Я убедился, что между нами, богатыми, и бедными стоит воздвигнутая нами же стена чистоты и образования, сложившаяся из нашего богатства...» [1, с. 222].

Толстой, конечно, не впервые видел бедность, и он признает, что теперь он понял, что городская бедность относительна. Многие бедные го-

родские жители в сравнении с деревенской беднотой жили «роскошно». В городе встречается много «богатых бедных» [1, с. 204].

Лев Николаевич сравнивает вещное окружение бедных городских людей с обстановкой, в которой живут крестьяне. Он сопоставляет то, чем питаются в городе и деревне. Толстой наглядно это показывает в связи с тем, что он помог 12-летнему городскому мальчику-сироте Сереже переехать в деревню, чтобы жить и работать в семье знакомого крестьянина. Сережа недолго пробыл в деревне, он не захотел с мужиком «убирать скотину и есть с ним картошки с квасом» [1, с. 293]. О деревенском питании Толстой замечает: «Петровками – голодным постом, когда пища народа – квас, хлеб и лук, начинается покос» [1, с. 293].

Как показывает Толстой, бедные люди появлялись в городе не в результате каких-то роковых обстоятельств, несчастных случаев, которые можно было бы исправить разовой материальной помощью со стороны богатых людей или с помощью государственных мер. Городская бедность была явлением, глубоко укорененным в нравственности людей. Во всяком случае все усилия писателя помочь бедным людям, с которыми ему пришлось встречаться в ходе переписи, были не просто безрезультатными, а вели к значительному ухудшению их состояния. «Большинство несчастных, которых я увидел, были несчастные только потому, что они потеряли способность, охоту и привычку зарабатывать свой хлеб...» [1, с. 207]. Лев Николаевич приводит в своей книге следующие характерные, как бы сейчас выразились социологи, репрезентативные факты, дающие ответ на его недоуменный вопрос. Почему одни мужики, ничем не отличающиеся от нищих, пилят дрова на Воробьевых горах, а другие просят милостыню? Вот, например, один нищий, здоровый мужик, уверяет Толстого, что работал бы, но пилу и колун ему не на что купить. Лев Николаевич дает ему деньги на пилу и указывает место на Воробьевых горах, где сам пилит и колет с трудолюбивыми мужиками Петром и Семеном. Но дадим слово самому Толстому: «Мужик клянется, что придет, и мне кажется, что он не обманывает, а имеет намерение прийти. На другой день прихожу к знакомым мне мужикам. Спрашиваю: приходил мужик. Не приходил. Так несколько человек обманули меня. Обманывали меня и такие, которые говорили, что им нужно только денег на билет, чтобы уехать домой, и через неделю попадались мне опять на улице» [1, с. 169–170]. Толстой приходит к выводу, что людям, оставившим свои привычные трудовые занятия, проще было прокормиться в городе, где идет концентрация богатства, где накапливаются дармовые деньги. Богатые же люди подают нищим не ради Христа, а как бы откупаясь от тех, кого разорили, у кого отняли их настоящее, а не ложное богатство. Таким образом, благотворительность ничего не способна изменить в несправедливом устройстве жизни.

Подчеркнем, что этот вывод Толстого не основан на кабинетных раздумьях, не явился плодом воображения писателя. Этот вывод возник как итог обобщения большого эмпирического материала, добытого в результате самостоятельного исследования. Толстой наблюдает и описывает ночлежные дома, анализирует их классовый и профессиональный состав, типологизирует категории нищих. Имея в виду «Ржановскую крепость», Толстой отмечает, что «жители этих домов составляют низшее городское население, такое, которого в Москве, вероятно, больше ста тысяч... тут маленькие хозяева и мастера, сапожники, щеточники, столяры, токари, башмачники, портные, кузнецы; тут извозчики, сами по себе живущие барышники и торговки, прачки, старьевщики, ростовщики, поденные и люди без определенных занятий, тут же нищие и распутные женщины» [1, с. 186]. Писатель вступает в контакты с несчастными людьми, стремится понять их психологию и мотивацию, оценку и самооценку их поведения.

Особенно Толстого занимают нищие. Он пытается понять причины нищеты, описать сознание людей, попавших в столь унижительное положение. Лев Николаевич видит отчужденное отношение большинства нищих к обществу, к окружающим их благополучным людям. Так Толстой описывает свои впечатления близ Хитрова рынка, где находилось множество ночлежных домов. «Уже идя по Солянке, я стал замечать больше и больше людей в странных, не своих одеждах и в еще более странной обуви, людей с особенным нездоровым цветом лица и, главное, с особенным общим им всем пренебрежением ко всему окружающему. В самой странной, ни на что не похожей одежде человек шел совершенно свободно, очевидно без всякой мысли о том, каким он может представляться другим людям» [1, с. 170]. Ровно таким же отчужденным взглядом нищих, бездомных людей провожали добропорядочные обыватели. «Городские старожилы, когда говорили мне про городскую нищету, всегда говорили это с некоторым удовольствием, как бы гордясь передо мной тем, что они знают это. Я помню, когда я был в Лондоне, там старожилы тоже как будто хвастались, говоря про лондонскую нищету. Вот, мол, как у нас» [1, с. 170].

В «Люцерне» впервые Толстой обратил внимание на антигуманное отношение между праздным скучающим богатством отдыхающих и страдающей, униженной бедностью бродячего музыканта, ищущего себе средства для пропитания. В результате разнообразных исследовательских операций Толстой приходит к заключению, что основа нищенства – нравственная, присущая не столько отдельным индивидам, опустившимся по тем или иным причинам на социальное дно, а всему обществу в целом. Это некое системное качество, объяснение которого становится главной темой книги «Так что же нам делать?» и не только ее.

Несправедливость общественного устройства коренится в городе. Город становится средоточием богатства. Богатство богатых и даже относительное богатство бедных жителей города есть следствие глубокой не-

справедливости отношений между городом и деревней. Источником подлинного, настоящего, нравственно безупречного богатства является деревня, труд землепашца. «Там только есть настоящее богатство: и хлеб, и лес, и лошади, и все» [1, с. 212]. Кроме богатства нравственно безупречного есть богатство сомнительное, которого люди добиваются обманом или силой. У сельских тружеников отбирается созданное ими богатство, именно отбирается, а не выменивается. «Я... вижу, что вследствие насилий, вымогательств и различных уловок... отбирается у трудящихся необходимое и нетрудящиеся люди... пользуются с излишком трудом других людей» [1, с. 227]. «Богатые люди скопляются вместе и пристраиваются к таким же богатым людям с одинаковыми потребностями. В городе, где удовлетворение всяких роскошных вкусов заботливо охраняется многолюдной полицией» [1, с. 213]. Для удовлетворения всех потребностей богатых людей возникают различные мастерские, лавки, банки, трактиры, театры и всякого рода увеселительные заведения.

Город как бы специально создан для того, чтобы люди, награвившие богатства, могли ими пользоваться. Город во главе с государственными чиновниками отбирает необходимое у деревенских тружеников и соблазняет их праздностью. Постепенно понимая, что сложившийся порядок освящается законом, деревенские люди стараются освободиться от своей тяжелой работы и принять участие в празднике. «Одним удастся, и они становятся такими же вечно пирующими, другие понемногу подбираются к этому положению, третьи обрываются, не достигнув цели, и, потеряв привычку работать, наполняют непотребные и ночлежные дома» [1, с. 215]. Крестьяне приходят в город, «чтоб как-нибудь вернуть то, что у них отобрано в деревне» [1, с. 217].

Согласно концепции Толстого, город как средоточие праздности и богатства порождается разделением труда. Толстой иронизирует, называя «разделение труда», «цивилизацию», «науку», «искусство» «страшными словами», перед которыми его мысль должна бы преклониться. «Моя роскошная жизнь кормит людей. Куда пойдет мой старый камердинер, если я отпущу его? Что же, всем самим себе делать все нужное: и платье, и рубить дрова?.. А разделение труда? А промышленность, а общественные предприятия и под конец самые страшные слова: цивилизация, наука, искусство?» [1, с. 281].

Толстой рассматривает три концепции разделения труда, как бы в согласии со схемой О. Конта о трех стадиях умственного развития человечества: теологическую (о падении Адама и Евы и искуплении первородного греха человечества), философскую (учение Гегеля о разумности всех форм общественной жизни) и позитивную – научную. В согласии с позитивистом Г. Спенсером («Василием Великим этого учения») общество предстает как организм, в котором его части (профессиональные группы и классы) выполняют различные функции [1, с. 325]. Все три концепции

Толстой обвиняет в несостоятельности. В частности, он утверждает, что найденные позитивистами законы общества, обосновывающие разделение труда, «клонят к одному, а именно к тому, чтобы то разделение деятельности, которое существует в человеческих обществах, признать органическим, т. е. необходимым, а потому рассматривать то несправедливое положение, в котором находимся мы, уволившие себя от труда люди, не с точки зрения разумности и справедливости, а только как несомненный факт, подтверждающий общий закон» [1, с. 319–320]. Позитивизм вообще апеллирует к фактам и требует, чтобы наука следовала только за фактами. Но «исследовать только факты никак нельзя, потому что фактов, подлежащих нашему исследованию, бесчисленное (в точном значении этого слова) количество. Прежде чем исследовать факты, надо иметь теорию, на основании которой исследуются факты, т. е. избираются из бесчисленного количества те или другие факты» [1, с. 318–319].

Толстой выступает не против всяческого разделения труда. Он решительно отвергает лишь несправедливое разделение труда. Критерий справедливого разделения труда не в исторических фактах его существования, а в совести и разуме всех людей, которые «очень просто, несомненно и единогласно решают этот вопрос. Они решают его всегда так, что разделение труда правильно только тогда, когда особенная деятельность человека так нужна людям, что они, прося его послужить им, сами охотно предлагают ему кормить его за то, что он будет для них делать» [1, с. 330]. Толстой считает, что в разделении труда и тот, кто избирает какую-то специальность, и те, кто собирается пользоваться продуктами специализированной деятельности, должны быть свободны. Он видит насильственный характер специализированной деятельности, с одной стороны угнетающей и отупляющей работников, а с другой – создающей ложные формы потребления. «Как бы убедительны ни были доказательства разделения труда клеточек в наблюдаемых организмах, человек, если он еще не лишился рассудка, все-таки скажет, что ткать всю жизнь ситцы человеку не должно и что это не есть разделение труда, а есть угнетение людей» [1, с. 328]. Это, несомненно, гуманистический взгляд на практику разделения труда, сложившуюся в европейском капиталистическом обществе.

Толстой относит к насилию над частью общества разделение труда на умственный и физический. Тем, кто уверенно говорит о таком виде разделения, «кажется, что в самом деле происходит совершенно правильный обмен услуг там, где происходит самое простое, старинное насилие» [1, с. 333]. Умственный труд, по Толстому, возможен лишь при том непременном условии, что представители науки и искусства будут жить «среди народа и как народ, не заявляя никаких прав, будут предлагать ему свои научные и художественные услуги, принять или не принять которые будет зависеть от воли народа» [1, с. 346]. Таково непременное и очень жесткое требование, которое Толстой выдвинул к творческой интеллигенции. Во

всяком случае кажется справедливой мысль Толстого о том, что обмен деятельностью в современном обществе происходит по-прежнему не на началах свободы, справедливости и эквивалентности. Представители духовной деятельности получают продукты, произведенные работниками физического труда, до того, как последние, в свою очередь, получают что-то. То, что они, в конце концов, получают совсем не соответствует тому, в чем они испытывают потребность. Они ущемлены даже в удовлетворении материальной пищи, а не то что духовной. Представители умственного труда получают материальную пищу до того, как они окажутся способными совершить ответный акт.

«Производитель духовной пищи говорит: для того, чтобы я мог вам дать духовную пищу, вы кормите, одевайте меня, выносите за мной мои нечистоты. Производитель же телесной пищи не заявляет никаких требований и дает телесную пищу, хотя бы он и не получает духовной пищи. Если бы обмен был свободен, то условия тех и других были бы одинаковы» [1, с. 333]. Именно это отношение неадекватного обмена продуктами деятельности между работниками физического и умственного труда создает иллюзию законности сложившейся социальной иерархии, на вершине которой находятся государственные чиновники. Мало того, что деятельность чиновников всеми людьми не признается полезной, но ее отправление производится насильственно, и для достижения управленческих целей обычны такие средства, как убийства, казни, остроги, насильственные подати. Подлинным бедствием народа является чрезмерный рост государственных людей. Сегодня европейские страны страдают от такого экономического явления, как перепроизводство. «Это то, что англичане называют overproduction, перепроизводство (то, что наделано пропасть вещей, которых некуда девать и которые никому не нужны)» [1, с. 329]. Так вот, прежде всего общество должно как-то справиться с перепроизводством государственного аппарата, вообще не имеющего нравственного основания для своего существования.

Рассуждения Толстого, направленные против иерархического устройства общества вообще и против сферы государственного управления в частности, звучат деструктивно по отношению к обществу как определенной политической, экономической, социальной целостности, включая сюда целостность культурную и нравственно-этическую. Персонализм Толстого заводит его в данном случае в тупик и не позволяет решать действительно существующие социальные проблемы конструктивно. Кроме того, эти идейные атаки против социального верха внутренне противоречат ценностному сознанию самого Толстого, всегда помнившего и гордившегося принадлежностью к княжескому роду. В одном из вступлений к «Войне и миру», не вошедшем в окончательный текст, Толстой с большим пафосом пишет: «Я аристократ, потому что был так счастлив, что ни я, ни отец, ни дед мой не знали нужды и борьбы между совестью и нуждой, не имели

необходимости никому никогда ни завидовать, ни кланяться, не знали потребности образовываться для денег и для положения в свете и т. п. испытаний, которым подвергаются люди в нужде. Я вижу, что это – большое счастье, и благодарю за него Бога, но ежели счастье это не принадлежит всем, то из этого я не вижу причин отречься от него и не пользоваться им» [3, с. 222].

Итак, взгляд Толстого на современное ему буржуазное общество – это отнюдь не фантазия художника, а глубоко продуманная теоретическая позиция, выношенная годами наблюдений за городской жизнью, чтением исторической, политэкономической, философской литературы как отечественной, так и зарубежной. Книга Толстого «Так что же нам делать?» наиболее ярко выражает социальную философию автора. Особенность теоретической позиции Толстого заключается в жесткой связи социальных явлений с их ценностной (нравственной) оценкой. Толстой не просто усиливает аксиологические аспекты социальной философии, которые были ей присущи начиная с Аристотеля.

Как известно, Стагирит различал правильную экономику и хрематистику, как извращение ее нормального развития. В последнем случае, с точки зрения автора «Политики», деятельность людей оказывается ложно ориентирована на создание богатства, отчужденного от их естественных нужд [4]. Аксиологические аспекты явственно слышны впоследствии в социальной философии нового времени у Т. Гоббса, физиократов, А. Смита и т. д. У Толстого, как и у его знаменитых ближайших предшественников Ж.-Ж. Руссо и Ф. Ницше, нравственные понятия становятся основанием теоретического объяснения общественной жизни. К.Х. Момджян именует такой метод познания общественной жизни «ценностной социальной философией». Среди склонных к данному типу исследования он находит целый ряд мыслителей от Платона до К. Маркса и Н.А. Бердяева [5]. Обозначенный стиль мышления сложился у Толстого еще в пору его увлечения теорией и практикой педагогики в начале 1860-х годов. Его ранние трактаты об образовании – «О народном образовании», «Воспитание и образование», «Прогресс и определение образования» – уже принимают отчетливый социально-моральный характер. Следует согласиться с Т. Манном, который утверждал, что «тяготение Толстого к педагогике... непосредственно социально-морального происхождения» [6, с. 584].

В книге «Так что же нам делать?» Толстой сопоставляет важность предметного фактуального знания о мире и знания ценностного – истины естественных наук и нравственные истины. Он утверждает, во-первых, что нравственные истины достигаются и уясняются более «длинным трудом». Во-вторых, в конечном итоге требуется уяснение именно нравственных истин, так что «и государственная, и научная, и художественная, и торговая» деятельность людей «не имеет другой цели, как большее и большее уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной ис-

тины» [1, с. 209]. Наконец, в-третьих, что наиболее характерно именно для стиля мысли Толстого, который полагает, что важным следствием уяснения себе нравственной истины, «перехода ее из туманного, неопределенного сознаваемого предположения, желания, из неопределенных, несвязных выражений в твердое и определенное выражение», оказывается необходимость совершения поступков, прямо вытекающих из понятой, усвоенной нравственной истины [1, с. 209].

Как показывает текст «Так что же нам делать?», выполнение исследовательской программы Толстым, начавшейся в 1882 г. участием в переписи населения и завершившейся подготовкой рукописи к печати в 1886 г., сопровождается рефлексией писателя по поводу своего места в обществе, его объективного и субъективного отношения к бедности и богатству, проблем его общения с теми людьми, которым он желал помочь или которых он хотел привлечь к выполнению совместной благотворительной деятельности. «Так что же нам делать?» не только обычное исследование определенного явления, но самоотчет о духовных перипетиях Льва Николаевича как исследователя-теоретика и благотворителя-практика. «Так что же нам делать?» – научная работа новаторского типа, отвергающая стиль классического познания, в котором ученый-обществовед руководствуется установкой объективного исследования социальных процессов. Русский мыслитель дает себе ясный отчет в том, что нельзя исследовать гуманитарные проблемы (в конечном счете любые проблемы), не замыкая их на самом себе, не учитывая собственное место в обществе, не оценивая свое поведение с позиций добра и зла.

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Собр. соч. в 22-х т. Т. 16. М.: Худ. лит., 1983.
2. Короленко В.Г. Лев Николаевич Толстой. Статья первая // Собр. соч. в 10 т. Т. 8. М.: МХЛ, 1955.
3. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006.
4. Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
5. Момджян К.Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010.
6. Манн Т. Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Манн Т. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М.: Худ. лит., 1960.